

Серомохнатоглазое

Младшая мамина сестра Надя умудрилась родиться, когда их маме было сорок шесть! Мама думала, что это – ранний климакс с остановкой месячных. А вместо этого в середине беременности, как и положено, ребёнок начал шевелиться... Было бы не удивительно в любой другой семье, но не в семье медиков! Муж был врач-универсал – в те времена один хороший доктор лечил «от всех болезней». И жена – фельдшерица-акушерка... сама у себя не сумевшая определить беременность на ранних сроках...

Дочку назвали Надеждой – символическим именем. Потому, что поняв, что это не климакс, а беременность, стали ждать сына. Потому, что уже была у них шестнадцатилетняя Сонечка и пятилетняя Лида.

Надюшу любили и баловали, играли с ней, как с куклой. Учили читать-писать с трёх лет. В школу отправили в пять, и то – в первом классе ей было скучно – училась лучше всех. Рано закончила школу, а в мединститут не принимали. По возрасту была мала. И скидок тогда не делали.

А потом началась война. Великая Отечественная. Сёстры эвакуировались, но попали под бомбёжку – пришлось вернуться домой. А там пусто. Отец-врач ушёл в партизаны. Сам лечил раненых. А оставшуюся охранять дом маму, убили фашисты...

Надя в один день повзрослела. Пряталась от немцев, измазывая лицо сажей, одеваясь в рваньё. Так же поступали и старшие сёстры. Потому, что были девчата очень красивыми. И старались обезобразить себя, чтобы не впадать в глаза.

Когда я уже была взрослая, мама рассказывала, как Надя придумала спрятаться во дворе. Там стояла пустая старая ржавая ванна. Лида легла на дно. А сверху Надя уложила множество пустых грязных бутылок, кучей лежавших около ванны. Сама же влезла в бочку, и так же «укрылась» бутылками. Так моя мама и Надя избежали отправки в Германию – в тот день был обход по домам, о чём заранее написали в большом объявлении...

После войны Надя закончила Киевский медицинский, как и старшие сёстры, и познакомилась в Киеве с красивым парнем Мишей. Ох, какая форма морского офицера была у него – загляденье! Белый китель, отглаженные брюки, блестящая кокарда и пуговицы! И был он старше на целых восемь лет. Видимо потому и не помнил по городу Надюшу девочкой. Жили на одной улице, а в его детстве и юности не встречались. А, может, и встречались, только не обращал Миша внимания на малолеток.

А сейчас стояла перед ним красавица с венком из вьющихся каштановых кос, сероглазая, стройная – не отвести глаз! Миша приносил цветочки, сюсюкался с Надей, как с маленькой, придумывал ей ласковые прозвища. Самым необычным из них было имя Серомохнатоглазое. Так называл

Миша свою невесту за чёрную густоту ресниц, обрамляющих серые огромные глаза

Отец, Иван Матвеевич, благословил молодых, и уехали они в далёкий сибирский город, за тридевять земель, к отцу Миши, у которого к тому времени была новая семья. Там жил брат Миши по отцу, с которым вначале общались, а после пути братьев разошлись.

Надя работала окулистом в лаборатории авиационной медицины. Потому могла ежегодно по служебному билету прилетать в Киев к Соне, приезжать из Киева в Нежин. Как член семьи имел льготу на самолёт и её муж.

Всё было нормально, только шли года, а не было в семье деток. Уже близилось к сорока, когда Надя сама определила у себя в полости живота огромную опухоль. После операции хирург-гинеколог сказал, что величина её была с детскую головку! Всё, детей быть не может! Одно радовало, что анализы оказались нормальными...

Надя загрустила и прилетела к сёстрам – восстанавливаться. А Миша остался дома, он работал преподавателем, и не мог оставить своих студентов. Характер стал портиться. Миша превращался в брюзгу, высказывавшего постоянно свои недовольства...

Тогда междугородные переговоры стоили очень дорого, и звонил Миша раз в неделю. При этом успевал он за три минуты довести жену до слёз...

Через полгода Надя улетела к мужу. А потом узнала, что за время её отсутствия закрутил Миша роман с Валентиной, которая теперь ждала ребёнка.

Сёстры были уверены, что Миша бросит жену, и уйдёт к Валентине и родившемуся сыну. Но этого не произошло. Новоиспечённый папаша метался меж двух семей. Валентина не вынесла гадкий характер, постоянное брюзжание и жадность, и дала от ворот поворот несостоявшемуся кавалеру. А вскоре навсегда уехала к родителям на Алтай.

А осунувшаяся и измучившаяся Надя стала рабой-прислугой у одуревшего мужа. Вся работу по дому взвалила на себя. Муж ничего не помогал, только капризничал и предъявлял претензии жене... Почему она терпела? Почему не бросила его, не улетела в родной город?

Мы разговаривали в ежегодные их приезды в гости.

– Кому я здесь нужна? – говорила постаревшая, поседевшая Надежда Ивановна. – Я там хоть ему нужна... Работе нужна, друзья у нас в сибиря... а здесь?

– А годы идут! – уговаривала сестру переезжать моя мама. – Мы стареем, будем помогать друг другу!

– Нет, я привыкла... У меня такая чудесная квартира – всё в украинском стиле! И шторы, и скатерти, и покрывало на диване. И дорожки в комнате с украинским орнаментом! А посуда, а керамика! Разве смогу я всё воссоздать здесь?! Да и Миша не захочет...

Хоть и далеко жила тётка, а прилетала в гости каждое лето. Меня удивляло всегда то, что нас в гости она не звала никогда. Да, далеко и дорого! Но, может, мы бы отважились?

А Миша, которого теперь все звали только по фамилии – Масков, вообще ни с кем не разговаривал. Человек превратился в полного нелюдима. Читал книги и газеты, рычал на жену, потреблял пищу, надевал выглаженную ею одежду, и не общался! Может, он был болен, думала я временами. Но, когда заговаривала об этом с тёткой, она начинала плакать...

Масков, приезжая в наш дом, ходил и смотрел, какие у нас порядки. Хорошо ли покрашены окна, чисто ли вымыты полы. Как ухожен сад, собраны ли все яблоки и груши, упавшие на землю... Нарезали ли мы для сушки эти фрукты-паданицы... Есть ли свежая вода у Рекса, немецкой овчарки, прожившей долгие годы у нас в вольере... Похоже, что кроме инспекторских проверок и газет с книгами его ничего не интересовало....

А потом они прилетели в последний раз. И тётка долго плакала, прощаясь.

– Всё! Нет сил! Невозможно вытерпеть перелёт! – рыдала она. Такой и запомнилась мне младшая мамина сестра, решившая доживать остаток жизни там, в далёком для нас городе...

Через пять лет после инсульта умер Масков. И Надя наконец-то решила продать квартиру и переезжать! Закончила приватизацию, почти успела, но!.. Внезапный инсульт и её скоропостижная смерть... Не суждено было...

К тому времени моя мама осталась единственной наследницей своей младшей сестры. И было маме тогда уже 83 года. Конечно, ни о какой поездке за четыре тысячи километров не было и речи!

Жалко было отдавать квартиру государству! И мы с Валерой, получив от мамы генеральную доверенность, уехали в неизвестность! Да, поездом! Да, ехали почти четверо суток – денег на самолёт не было... И вот та непревзойдённая, воспетая в рассказах тётки квартира встретила нас! Как всё было: как мы её продали, как оформили документы и вернулись – это отдельная история... А пока нас встретили голые окна без тюля и штор и полчища тараканов! Такого ужаса я не видела нигде и никогда... Никакого украинского стиля... Голо и пусто...

Что держало здесь мою любимую тётю? Почему приукрашала она свои рассказы о своём доме-квартире? Выдавала желаемое за действительное?... Потому и не приглашала никогда, что можно было ужаснуться и сойти с ума, увидев тот кошмар?! Все эти загадки остались без ответов... И если бы Надя, а особенно Масков смогли узнать на том свете,

что мы таки увидели их квартиру, то думаю, перевернулись бы в своих гробах...

Мы были у могил наших родственников, из дому привезли красивые букеты искусственных цветов. Был январь, тридцать градусов мороза и по колено снега... Я брела по снежной целине, еле вытаскивая ноги. А припав к скромному памятнику, установленному за наши деньги, благодарила тётю Надю за её терпение, за свалившееся на нас наследство, и вытирала замерзающие на щеках слёзы...